

О номере журнала «Население и экономика», посвященном взаимодействию населения и экономики в географическом пространстве

Т. Г. Нефедова

Получено 1 January 2018 ♦ Принято в печать 9 March 2019 ♦ Опубликовано 12 April 2019

Цитирование: Nefedova TG (2019) About the issue of the «Population and Economics» devoted to interaction of population and the economy in geographical space. Population and Economics 3(1): 1–3. <https://doi.org/10.3897/poperecon.e34779>

Этот номер подготовлен в основном географами. Почти все статьи в нем посвящены в той или иной мере роли пространства в развитии общества, вернее, широкому спектру отношений населения с экономикой через посредство пространства.

Первая статья **А. И. Трейвиша** так и называется «Географическое пространство как посредник между населением и экономикой». Это теоретическое осмысление основных долгосрочных тенденций и взаимосвязи пространственной организации населения и его экономической активности. Автор показывает, что значение пространства со временем не убывает, а меняется и даже нарастает. При, казалось бы, очевидной тесной связи населения с экономикой в каждом конкретном месте, пространство выступает в роли как интегратора, так и дезинтегратора общественных явлений. Это связано с категорией доступности, различиями в распределения населения, видов деятельности, предъявляющих спрос на ресурсы, и мест по предложению этих ресурсов. В одних случаях пространство может «сжиматься», спланировать, интегрировать общество в пределах той или иной территории, в других – разобщать экономику и социум или их части. Статья насыщена авторскими расчетами, оценками и графическими моделями. Смена пространственных ориентаций показана на карте России смещением расчетных центров тяжести, или центроидов, различных «масс»: населения, розничной торговли, промышленности с 1960 по 2017 гг. Показано, что география постиндустриальных обществ меньше индустриальной зависит от локализации основного капитала и больше – от человеческого при усилении его пространственной мобильности.

Некоторые теоретические положения этой статьи развиваются другими авторами в последующих статьях номера.

П. Л. Кириллов и **А. Г. Махрова** рассматривают изменения в размещении населения с 2002 по 2017 годы на уровне макрорегионов и субъектов РФ. На картах показано продолжение тенденций смещения общего вектора расселенческой нагрузки на юго-запад и в сторону столичных и крупногородских территорий постиндустриального развития с привлекательными рынками труда. При явно проявившихся в течение 2017 г. тенденци-

ях завершения в целом по стране периода естественного прироста резко увеличивается число регионов с естественной убылью населения. Внутрirosсийский пространственный разрыв в стадиях демографического развития позволил выдвинуться в число лидеров лишь республикам Северного Кавказа, Южной Сибири, Якутии, в которых действуют установки расширенного демографического воспроизводства. А в «зоне депопуляции» оказались группы депрессивных и медленно модернизирующихся регионов с унаследованным и труднопреодолимым индустриальным бременем: регионы Центральной России, Приволжья, Северо-Запада, отчасти Сибири и Дальнего Востока. Авторы прогнозируют усиление межрегиональной поляризации расселения, при этом, в отличие от периода 2002 – 2017 гг., основным фактором будет уже не ускоренный рост отдельных территорий, а негативная динамика населения основной группы регионов.

Эту же тему развивает статья **Н. В. Мкртчяна**, в которой показаны пространственные различия в интенсивности миграционного прироста населения внутри субъектов РФ на уровне муниципальных районов или городских округов, а также приводятся графические возрастные профили миграционного прироста или убыли населения по географическим зонам и различия между пригородами и периферией регионов. Пригородные и периферийные муниципальные образования различаются как по общим результатам миграционного баланса, так и по возрасту притока и убыли населения. Пригородная сельская местность служит во многом транзитной зоной на пути миграции из сельской местности в крупные города. При этом ареной процессов субурбанизации пригороды стали лишь в отдельных крупногородских агломерациях. Периферия регионов – это территория сплошного и интенсивного миграционного оттока населения, особенно молодежи. Она привлекательна лишь для населения предпенсионных и пенсионных возрастов, да и то ограничено. При этом различия в миграционном движении внутри регионов гораздо более ярко выражены, чем между ними.

Указанные тенденции трансформации системы расселения вызывают неоднозначную реакцию экспертного сообщества, в котором нет согласия по поводу того, какой должна быть современная федеральная политика пространственного развития в области трансформации расселения. Ведь стремление населения в крупные центры связано не только с объективными факторами, но и проблемами системы управления: неблагоприятными институциональными условиями для развития малого и среднего бизнеса в малых городах и сельской местности, чрезмерно централизованной бюджетной политикой, лишаящей возможности власти на местах вкладывать необходимые средства в социально-экономическое развитие. Некоторые аспекты этой дискуссии, развернувшейся после обнародования проекта Стратегии пространственного развития России, а также проблемы адекватного отражения изменений в расселении приводятся в статье **О. В. Кузнецовой**. В ней рассматривается неоднозначность и противоречивость происходящих изменений и дефицит информации для оценки сложившейся ситуации. Отсутствие статистического учета данных в разрезе городских агломераций и недостаточность социологических опросов для выявления мотивов пространственной мобильности населения загущивают реальную картину трансформации расселения. Это не позволяет корректно оценить объективные факторы такой трансформации и факторы, связанные с несовершенством системы государственного управления.

Одной из важных причин, влияющих на пространственную мобильность населения, является устойчивость региональной дифференциации уровня бедности населения России, что убедительно, в т.ч. на серии графиков, показано в статье **Н. В. Зубаревич**. В ней приводятся данные, отражающие изменение влияния разных факторов бедности (степени урбанизированности, демографических факторов, доходов населения, стоимости жизни в регионах) на ее региональные показатели в начале 2000-х гг. и в 2017 г. Доказана устойчивость сильных региональных различий, обусловленных прежде всего доходными и демографическими факторами. Выявлена нелинейность динамики уровня бедности в периоды экономического роста и кризисов. При этом роль такого важного фактора бедности для выявления ее пространственной дифференциации, как уровень доходов населения, скор-

ректированных на прожиточный минимум, в 2010-х гг. возросла. В статье проведен анализ изменений региональной картины бедности при переходе от абсолютных к относительным критериям ее измерения.

Занятость населения является важным параметром, связывающим население и экономику, а территориальные различия рынков труда показывают роль пространства в их взаимодействии. Этим проблемам посвящена статья **Е. В. Антонова**, практически впервые обобщающая большой объем сплошных исследований рынков труда городов в России. В ней рассмотрены основные этапы их формирования, показана динамика численности занятых и ищущих работу в городах различной людности, выявляются по тем же группам городов структурные изменения занятости на крупных и средних предприятиях. Рассматриваются различия локальных рынков труда, которые зависят от численности населения муниципалитета, уровня экономической активности, географического положения, обеспеченности рабочими местами. По дробным муниципальным образованиям сделана карта России, показывающая отношение числа официальных рабочих мест к численности населения в трудоспособном возрасте, что дает возможность выявить пространственные различия, в т.ч. «север-юг», «город-село». Показана противоречивость современного рынка труда: экономическая стагнация и сжатие спроса на трудовые ресурсы сочетается с процессами выбытия, в т.ч. демографического, значительного количества трудовых ресурсов, причем на региональном и муниципальном уровнях наблюдается их сильная дифференциация.

При усилении уровня бедности и безработицы, а также при отсутствии необходимых институциональных условий для развития малого бизнеса выходом часто становится неформальная занятость, в т.ч. в сельском хозяйстве, причем не только сельского, но и городского населения. Этим проблемам посвящена статья **Т. Г. Нефедовой и У. Г. Николаевой**, показывающая многогранность подсобного хозяйства в сельской местности, которое выполняет как привычную функцию производства продуктов питания для собственного потребления и социально-коммуникационную функцию поддержания реципрокных семейно-родственных связей, так и может быть ячейкой товарного неформального рыночного производства, а также решает рекреационные задачи горожан. При этом пространственное разнообразие всех этих функций, включая не только производственные и социальные, но и связанные с мобильностью населения между городом и деревней, очень слабо учитываются статистикой. Поскольку подсобное хозяйство в определенной мере также служит связующим звеном между населением и экономикой, его пространственное распределение в значительной степени отражает демографические и хозяйственные характеристики общества в разных регионах страны, показанные в статье на картах. При этом ключевым фактором устойчивости таких хозяйств и их специализации служит человеческий капитал, часто зависящий от степени депопуляции сельского населения и состава горожан-дачников, наполняющих в летние месяцы не только пригороды, но и удаленные сельские районы.

Завершает взаимосвязанную серию исследований в данном номере статья **А. В. Русанова**, посвященная садоводам, огородникам и все шире распространяющимся вторым дачным домам горожан в сельской местности в европейских странах. И если сады и огород, в основном, в бывших социалистических странах на небольших участках, все еще имеют функцию самообеспечения с переходом на экологически чистые продукты, то вторые дома горожан в пригородах служат дополнительным жильем, а в удаленных районах все чаще приобретают туристическо-рекреационную и культурологическую функцию. Это сближает их с российскими ближними и удаленными курортными дачами, а также с домами, которые покупает интеллигенция в деревнях под дачи.

■ Т. Г. Нефедова